

Екатерина Мордвинцева

Любовь сильнее смерти

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Любовь сильнее смерти / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 238 с.

ISBN 978-5-524-00400-0

Она – художница из Екатеринбурга, разочарованная в любви и прячущаяся от мира в своей квартире. Он – воин из другого мира, погибший в сражении и застрявший между реальностями. Когда Фредерик появляется в комнате Лизы, она думает, что сходит с ума. Но как объяснить иначе предметы, которые двигаются сами собой, и шёпот в темноте?



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00400-0

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Лиза оторвала кисть от холста и замерла. Что-то было не так.

Она всмотрелась в рисунок – точнее, в то, что от него осталось после сегодняшней бесплодной пятичасовой пытки. Девушка на качелях. Заказ для обложки любовного романа. Простая, в общем-то, задача: лёгкое платье, развевающиеся волосы, закатное солнце. Идиллия.

Но вместо идиллии на холсте красовалась мёртвая, замученная конструкция. Лицо девушки напоминало маску – правильные черты, но ни намёка на жизнь. Волосы висели паклей. Качели выглядели так, будто их сварганили из ржавых труб вчера на помойке.

– Дрянь, – сказала Лиза вслух.

В пустой квартире её голос прозвучал глухо и сиротливо. Она отложила кисть, потёрла ладонями лицо и откинулась на спинку стула. Стул жалобно скрипнул – старый, ещё с бабушкиной дачи, обитый потёртым вельветом. Лиза любила этот скрип. Он был живым. В отличие от всего остального в этой комнате.

Было одиннадцать вечера. За окном – спальный район на окраине Екатеринбурга, девятый этаж панельной девятиэтажки, бесконечные огни окон напротив, как сотни глаз, равнодушно наблюдающих за чужой жизнью. Лиза жила здесь уже три года – с тех пор, как переехала из общежития художественного училища. Тогда ей казалось, что своя квартира – это вершина свободы. Теперь она знала: своя квартира – это просто квадратные метры, которые ты наполняешь либо жизнью, либо тишиной.

Она выбрала тишину.

Лиза поднялась и побрела на кухню, по дороге машинально поправив криво висящий постер с Ван Гогом. «Звёздная ночь» – смешно. За её окном никаких звёзд не было видно уже месяц. Сплошная оранжевая муть от городских фонарей.

На кухне она включила чайник и уставилась в тёмное стекло, за которым угадывались очертания соседнего дома. В отражении – девушка двадцати четырёх лет, худая, бледная, с тёмными кругами под глазами, стянутые в небрежный пучок русые волосы, старая футболка с принтом «AC/DC», которая помнила ещё её восемнадцатилетие, и безнадёжно растянутые спортивные штаны.

– Красавица, – хмыкнула Лиза своему отражению. – Мечта поэта. Чайник закипел. Она заварила зелёный чай – просто потому, что чёрный закончился ещё три дня назад, а в магазин она так и не вышла. Магазин был в соседнем доме, пять минут туда, пять обратно. Но эти десять минут каждый раз казались ей подвигом, на который нужно собирать волю в кулак.

Последний раз она выходила на улицу... когда? Лиза задумалась, прихлёбывая обжигающий чай. В среду? Или во вторник? Сегодня суббота. Чёрт.

Она вернулась в комнату, которая служила ей одновременно спальней, гостиной и мастерской. Восемнадцать квадратных метров, заставленных мольбертами, коробками с красками, стопками книг и ноутбуком на журнальном столике. Диван-книжка, который она так и не научилась раскладывать обратно без лишней возни. Комод, где в верхнем ящике до сих пор валялась его футболка.

Сергей.

Лиза поморщилась и заставила себя не думать о нём. Но мысли – те ещё сволочи, лезут именно тогда, когда их меньше всего ждёшь.

Шесть месяцев назад она пришла сюда с сумкой продуктов, предвкушая спокойный вечер за сериалом, и застала его на этом самом диване. С той блондинкой из «ВКонтакте», с которой он клялся, что просто общается по работе. Классика. Ад Данте, круг первый – измена с фотографом, которую он якобы «консультировал по выдержке».

Лиза тогда не устроила скандала. Не швырнула сумку с продуктами (хотя помидоры очень просились в полёт). Она просто стояла в дверях, глядя, как они судорожно дёргаются, прикрываясь пледом, развернулась и ушла.

Две недели она жила у подруги Насти. Потом вернулась – Сергей уже съехал, забрав свои вещи и оставив только запах своего парфюма, который выветривался ещё месяц, и ту самую футболку, забытую в стиральной машине.

Лиза не выбросила её. Не сожгла. Не отправила по почте с требованием забрать. Она просто оставила её в ящике. Как напоминание. Как прививку. Чтобы в следующий раз не была такой дурой.

В следующий раз. Смешно. После Сергея следующих разов не было. Вообще. Мужчины перестали для неё существовать как категория. Она ходила в магазин, платила за коммуналку, общалась с заказчиками по почте – и всё. Её социальный круг сузился до курьеров, которые привозили ей краски, и до Насти, которая названивала раз в два дня с одним и тем же вопросом: «Ты уже трахнула кого-нибудь, чтобы забыть этого козла?»

Ответ всегда был отрицательным.

Лиза допила чай, поставила кружку на подоконник и снова уставилась на холст. Девушка на качелях смотрела на неё пустыми глазами. Заказ надо было сдать через три дня. Заказчик – приличное московское издательство – платил хорошо, но требовал качество. Если она провалит дедлайн, её могут больше не позвать. А других источников дохода у неё не было.

– Твою ж дивизию, – выдохнула Лиза и села обратно за мольберт.

Она смешала на палитре охру с белилами – попыталась поймать тот самый закатный свет, который так нужен был для настроения. Но краски ложились грязно. Рука не слушалась. В голове было пусто, как в её холодильнике, где уже вторую неделю сиротливо лежал плавленый сырок и початая банка оливок.

Вдохновение ушло от Лизы одновременно с Сергеем. Или чуть раньше. Она не могла точно определить момент, когда рисовать перестало приносить радость. Раньше она могла забыть про сон и еду, увлечённая новой работой. Раньше её руки зудели, когда она видела красивый закат или интересное лицо в метро. Раньше...

Стоп. Хватит ныть.

Лиза тряхнула головой, макнула кисть в воду и решительно замазала лицо девушки на качелях. Пусть будет новый слой. Новая попытка. Она зажмурилась, представляя, какой должна быть эта иллюстрация: свет, воздух, лёгкость, обещание любви.

Открыла глаза. И замерла.

В углу комнаты, возле шкафа, что-то шевельнулось.

Лиза резко обернулась. Сердце глухо стукнуло и забилось где-то в горле. Там никого не было. Шкаф как шкаф – старый, советский, полированный, с резными вензелями на дверцах, доставшийся от бабушки. На шкафу – коробки с книгами и старый чемодан. Всё на месте.

Тень.

Ей показалось, или там действительно мелькнула какая-то тень?

Лиза всмотрелась в угол. Ничего. Только пыльные отпечатки её собственных пальцев на полировке – она давно не протирала там.

– Нервы, – сказала она вслух. Голос дрогнул. – Совсем кукушка поехала.

Она перевела взгляд на окно. Шторы были задёрнуты неплотно, и в щель падал свет от фонаря. Может, просто тень от проезжающей машины? Но машины там, внизу, проезжали редко – двор спального района, детская площадка, три скамейки с вечно пьющими бабульками (летом) и пустота (зимой).

Лиза тряхнула головой и заставила себя вернуться к работе. Кисть снова легла на холст. Она смешала ещё красок – добавила в охру каплю алого, потом ещё немного умбры. Закатный свет должен быть тёплым, почти осязаемым. Таким, чтобы читательница, открывшая книгу, сразу почувствовала этот вечер, это обещание счастья.

Девушка на качелях обретала новое лицо. Лиза рисовала её, а думала о себе. О том, что она тоже когда-то верила в качели, закаты и долго и счастливо. О том, как легко это оказалось разрушить. Одним вечером. Одним дурацким сообщением, которое она случайно увидела в его телефоне.

Сергей был не первым. До него был Костя – в училище, красивый, талантливый, который увёл у неё дипломную работу и выдал за свою. До Кости – Антон, школьная любовь, который уехал в Москву и забыл написать хотя бы «как дела».

Мужчины в жизни Лизы были как на подбор – красивые, яркие и абсолютно ненадёжные. Как фейерверки: шумно, красиво, и через минуту только пепел и запах гари.

– Я притягиваю не тех, – прошептала Лиза, смешивая на палитре цвет для неба. – Или дело во мне?

Телефон на столике тренькнул. Лиза покосилась на экран – Настя. Сбросила. Не до разговоров сейчас. Через минуту пришло сообщение: «Ты опять не жрешь и рисуешь? Я завтра приеду с шаурмой. Жди».

Лиза улыбнулась. Настя была единственным человеком, который не бросил её после истории с Сергеем. Не говорил «я же тебя предупреждала» (хотя предупреждала). Не пыталась срочно сосватать за своего двоюродного брата. Просто была рядом. Привозила еду. Тащила в кино. Заставляла дышать.

Написать в ответ «не надо» или «я занята» было бесполезно. Настя всё равно приедет. С шаурмой. И с расспросами. И с планами на твою жизнь, которые ты не утверждала, но которые всё равно придётся выполнять, потому что спорить с Настей – как пытаться остановить поезд голыми руками.

Лиза отложила телефон и снова взялась за кисть. Краски ложились лучше. Девушка на качелях начала обретать черты – не её, Лизы, а какой-то другой, счастливой версии. Светловолосой, румяной, с лёгкой улыбкой и взглядом, устремлённым вдаль, где её ждёт Он.

– Счастливая, – вздохнула Лиза.

Она рисовала и не заметила, как пролетел ещё час. В комнате стало совсем темно – она выключила верхний свет, оставив только лампу на мольберте, жёлтую, старую, с длинным гибким «носом», который можно было повернуть куда угодно. Лампа отбрасывала причудливые тени на стены.

В какой-то момент Лизе снова показалось, что в углу что-то есть. Она резко обернулась. Ничего.

Только тени от лампы играют на полировке шкафа. Только складки шторы колышутся от сквозняка – форточка на кухне приоткрыта. Только собственное дыхание, слишком громкое в этой мёртвой тишине.

– Хватит, – приказала себе Лиза. – Ты себя накручиваешь.

Она встала, размяла затёкшую шею, прошла по комнате. Подошла к окну, отдернула штору. За окном – всё тот же вид. Соседний дом, горящие окна, тени людей за шторами. Кто-то смотрит телевизор. Кто-то ругается. Кто-то занимается любовью. Жизнь идёт. А она здесь, в своей раковине, варится в собственном соку.

Лиза прижалась лбом к холодному стеклу. Странное чувство – будто она не живёт, а существует. Будто всё, что с ней происходит, происходит не с ней, а с кем-то другим, а она просто наблюдает со стороны. Даже рисование – её страсть, её профессия, её воздух – превратилось в механический процесс. Заказчик просит – она делает. Деньги каплют – она платит за квартиру. Круг замкнулся.

– Надо брать отпуск, – сказала она стеклу. – Надо ехать к морю. Надо... надо что-то менять.

Но она знала, что ничего менять не будет. Слишком страшно. Слишком много сил. Лучше сидеть здесь, в своей тишине, и делать вид, что так и надо. Что творческий кризис – это нормально. Что одиночество – это выбор свободного человека. Что всё хорошо.

Всё хорошо.

Всё.

Хорошо.

Лиза вернулась к мольберту. Взяла кисть. Посмотрела на девушку на качелях. Та смотрела на неё пустыми глазами, и в этих глазах Лизе почудился упрёк.

– Не смотри так, – сказала она холсту. – Я стараюсь.

Голос сорвался. В горле встал ком. Лиза шмыгнула носом и зло вытерла глаза тыльной стороной ладони – только слёз не хватало

для полного счастья. Плакать из-за того, что не получается картинка? Смешно. Жалко. По-детски.

Но слёзы всё равно наворачивались. Не из-за картинки. Из-за всего сразу. Из-за Сергея, который не позвонил ни разу за полгода. Из-за того, что ей двадцать четыре, а она никому не нужна. Из-за того, что у подруг уже мужья и дети, а у неё – холсты и долги за коммуналку. Из-за того, что утром придётся вставать и снова делать вид, что всё нормально.

– Ненавижу, – прошептала Лиза. – Ненавижу всё это.

Она опустила на стул, уронила голову на руки и замерла. Тишина в комнате стала совсем плотной, почти осязаемой. Слышно было, как тикают настенные часы – дешёвка из «Икеи», которую она купила в первый месяц въезда. Тик-так. Тик-так. Время уходит. Жизнь проходит. А она сидит здесь, в темноте, и разговаривает сама с собой.

И вдруг – движение.

Лиза подняла голову так резко, что хрустнула шея. В углу, возле шкафа, определённо что-то было.

Не тень. Не игра света. Нечто более плотное, более... присутствующее.

Лиза впилась взглядом в темноту. Сердце колотилось где-то в ушах. Она не могла разглядеть деталей, но отчётливо чувствовала – там кто-то есть.

Кто-то смотрит на неё. Секунда. Две. Три.

Ничего.

Лиза судорожно сглотнула и потянулась к лампе, чтобы повернуть её в сторону угла. Но стоило ей шевельнуться, как ощущение присутствия исчезло. Будто его и не было. Только пустота. Только тишина. Только её собственное испуганное дыхание.

– Привидится же, – выдохнула она.

Голос прозвучал сипло, с хрипотцой. Лиза откашлялась. Встала, на ватных ногах подошла к углу. Пощупала воздух рукой – ничего.

Обшарила взглядом шкаф, пол, плинтус. Ничего. Обычный угол обычной квартиры, где за двадцать три года (именно столько она здесь прожила) никогда ничего не водилось.

– Усталость, – сказала Лиза вслух. Громко, чтобы убедить себя. – Хронический недосып. И нервы. Надо спать.

Она посмотрела на часы – половина первого ночи. Завтра воскресенье, можно выспаться. Но работа... Лиза глянула на холст. Девушка на качелях смотрела на неё с немым вопросом.

– Завтра, – пообещала ей Лиза. – Утром всё доделаю.

Она закрыла банку с водой, сполоснула кисти, накрыла палитру плёнкой, чтобы краски не засохли к утру. Выключила лампу. В комнате стало совсем темно – только слабый свет от фонаря пробивался сквозь щель в шторах.

Лиза забралась на диван, натянула плед до подбородка и уставилась в потолок. Спать не хотелось. Перед глазами стояла та тень в углу. Или не тень? Она попыталась убедить себя, что это просто игра воображения. Что художники – люди впечатлительные. Что после шести часов за мольбертом и без обеда у кого угодно поехала бы крыша.

Но где-то глубоко внутри, в том месте, которое не обманешь логикой, она знала: в комнате кто-то был.

Или всё ещё есть.

Лиза зажмурилась и приказала себе спать. Сосчитать до ста. Дышать ровно. Не думать.

Тишина давила на уши. Даже часы, казалось, тикали громче обычного. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Лиза уже проваливалась в сон, когда почувствовала лёгкое движение воздуха. Сквозняк? Но форточка на кухне закрыта, она точно помнила, как закрывала перед тем, как лечь.

Она открыла глаза.

В комнате было темно. И пусто.

Но воздух определённо двигался. Возле окна. Или возле шкафа. Тонкое, почти неощутимое дуновение, которое не имело права здесь быть.